

Нанарна Шнейгер

(He)СОКРОВИЩЕ
КАПИТАНА

Леди Кэтрин и ее наследницы

Наталья Шнейдер

(Не) сокровище капитана

«Автор»

2023

Шнейдер Н.

(Не) сокровище капитана / Н. Шнейдер — «Автор»,
2023 — (Леди Кэтрин и ее наследницы)

Я стала пленницей опального графа, капитана пиратского корабля. Он обещал свободу в обмен на выкуп, вот только сдержит ли обещание? Ведь мой дар спас ему жизнь... Но если дело лишь в том, что я полезна — почему его намеки все более непристойны? И почему рядом с ним мое сердце бьется все чаще? Я уже не знаю, хочу ли спастись.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталья Шнейдер

(Не) сокровище капитана

Пролог

Прошуршала щеколда, открылась дверь.

– Миледи, следуйте за мной.

Томас, доверенный слуга отца. Его не подкупить, от него не убежать, и разжалобить тоже не удастся. Я покорно вышла из комнаты, где просидела взаперти весь последний месяц.

Мама бросилась ко мне. Пришла! Все-таки пришла проводить. Слезы потекли у меня по щекам.

– Все хорошо, доченька, – прошептала она, обнимая. – Все будет хорошо.

– Ничего уже не будет хорошо!

– Стены монастыря защитят тебя от страстей.

– И от жизни...

И от Джека. Новый Свет – это навсегда. Это значит, я больше никогда не увижу ни любимого, ни дом, ни маму, ни даже батюшку. Кричать в сердцах «Видеть вас не желаю!» – одно, а на самом деле...

– Подумай об этом как о возможности. – Она погладила меня по спине.

– О да, потрясающие возможности, – не удержалась я. – Молиться, поститься, слушать сплетни товаров по несчастью. Возможность не носить корсет, но даже это меня не утешает.

– Возможности не рисковать жизнью, рожая детей. Возможности начать все сначала в новом мире. Возможности читать и думать. – Мама улыбнулась, вытирая мне слезы. – Может быть, станешь аббатисой, и мы здесь будем гордиться твоими деяниями...

– Что я слышу, леди Элейн!

Я вздрогнула, оборачиваясь на отцовский голос. Лицо батюшки покраснело от гнева.

– Пока я стараюсь избавить нашу дочь от пагубных страстей, вы взращиваете в ней честолюбие? А я-то гадал, почему все усилия пропадают втуне!

Мама не ответила. Я вообще не помню, чтобы она хоть раз попыталась поспорить с мужем.

И все-таки он пришел. Я не видела отца с того дня, как меня вернули домой. Когда он велел запереть меня в комнате. Я бросилась отцу в ноги.

– Батюшка, умоляю, не отправляйте меня! Я буду послушной! Я никогда больше...

– Встань, – брезгливо прервал он меня. – Надо было думать до того, как согрешить. Теперь нам всем остается только молить Господа, чтобы в монастыре ты смогла отрешиться от мирского и спасти свою душу.

– Пожалуйста... – Я попыталась еще раз. Не могла не попытаться. Что я буду делать одна в Новом Свете? В тот момент я в самом деле намеревалась исполнить все свои обещания. Постараться не думать о Джеке, как бы ни хотелось мне получить от него весточку. Я не хочу, не могу уезжать!

– Встань, – повторил он. Оторвал мои руки от камзола. – Я буду молиться за тебя, Белла. Больше я ничего не смогу для тебя сделать, и пусть Господь будет к тебе милостив.

Я поднялась.

– Покажи карманы, – велел отец.

– Там ничего нет, батюшка.

Отец бесцеремонно распахнул полы моего платья, полез в карманы сам. Когда он вытаскивал оттуда сложенный в несколько раз лист бумаги, на лице его было злорадное торжество.

– Ты все-таки смогла скрыть его любовные письма!

Он развернул бумагу. Помолчал. Прокашлялся. Матушка подавила улыбку, я старательно смотрела в пол. Не зря я переписывала молитвы самым убористым почерком, на который только была способна.

– Гм. – Отец прочистил горло. – Рад что ты наконец взялась за ум. Погоди-ка.

Он торопливо вышел и, вернувшись, вручил мне молитвенник.

– Вот. На память о доме.

– Благодарю, батюшка.

Я присела в реверансе. Тихонько выдохнула. С отца стало бы обыскать меня полностью, а этого никак нельзя было допустить.

– Ступай.

Вот и все. Я снова расплакалась – едва ли мой дом можно было назвать счастливым местом, но, по крайней мере, здесь все было известно и понятно. Впереди же простиралась неизвестность.

– Пойдемте, миледи. – Томас положил ладонь мне на плечо. – Корабль ждать не будет.

Я брела за ним, полуслепая от слез, а в голове билось только одно слово.

«Никогда». Я больше никогда сюда не вернусь.

Глава 1

За стеной шарахнуло так, что я присела, заткнув уши. Что-то затрещало, кто-то закричал. Я сунулась к окну, но все, что смогла увидеть по ту сторону, – доски борта чужого корабля.

Я снова заметалась по каюте. Три шага в одну сторону, разворот, три в другую.

Стало тихо. Что там происходит? Кто победил?

– Внизу пассажирка. – Голос капитана Райта был едва слышен с верхней палубы. – Забирайте товар, оставьте ее. Я обещал ее родственникам доставить даму в монастырь в целостности и сохранности.

– В монастырь? – раздался незнакомый бархатный баритон. – Дама? И как, хороша она? Я замерла, стиснув руки перед грудью. Неужели мне удастся сбежать?

– Пожилая вдова, решившая удалиться от мира.

Да чтоб тебя! Как же не вовремя ему вздумалось меня спасти!

– И что, разве в Наровле мало монастырей? Непременно нужно плыть на другой конец света? – поинтересовался тот же баритон.

– Дамские причуды неисповедимей путей господних.

Ах ты!.. Мне, между прочим, и дома было неплохо! И вовсе не дамский каприз погнал меня через море. Где, между прочим, качка, кормят кое-как и скука смертная!

В дверь постучали. Кажется, ногами – так, что затряслись дубовые доски и задребезжал замок.

– Открывай, как тебя там! Или дверь вынесу!

По ту сторону кто-то вскрикнул, донесся придушенный голос капитана:

– Оставьте ее! Много ли прока со старухи?

Сам ты старуха!

Я распахнула дверь, вылетела из каюты и оказалась нос к носу с крепким мужчиной, одетым в когда-то богатую, но теперь засаленную одежду. Я и пикнуть не успела, как он ухватил меня за локоть и протащил вверх по лестнице – то есть трапу – на палубу.

Когда я выбралась из полутьмы каюты, куда свет еле пробивался из-за чужого корабля, заслонившего окно, солнце ослепило, и теперь я видела лишь очертания фигур, но не лица. Морской воздух после духоты каюты кружил голову не хуже вина. К запаху моря примешивался – совсем немного, видимо, сдуло ветром – запах пороха и еще какой-то незнакомый, отдающий железом.

– Сам ты старуха! – выпалила я, сощурившись против солнца.

Ответом мне стал дружный мужской хохот и сдавленная ругань капитана.

– Немолодая вдова, значит, – промурлыкал обладатель баритона.

Проморгавшись, я наконец смогла его разглядеть. Высокий, широкоплечий, длинные темные волосы рассыпались по плечам. Свои, не парик: не завиты и не присыпаны пудрой. Одет как джентльмен: в черный камзол плотного шелка, разве что неожиданно строгий, всех украшений – серебряный позумент вдоль края борта. Под ним черный же жилет, на истинную стоимость наряда намекали лишь серебряный шнур застежки да такие же пуговицы.

Мужчина подошел ближе, приподнял мне подбородок, взглядываясь в лицо серыми глазами.

– Как тебя зовут, сокровище мое?

Жаль, веера нет, стукнуть его по руке. Я дернулась, отстраняясь от бесцеремонного прикосновения.

– Мы не представлены, и я не могу с вами разговаривать.

– Ах, простите. – Его смешок словно бархатом прошелся по коже. Мужчина обернулся. – Господин капитан, представьте меня леди.

– Я не обязан знать всех головорезов Скайдорских морей, – процедил капитан.

Он был без шпаги, с прорехой на рукаве, бледный и всклокоченный, но все же не выглядел жалким.

Стоявший по правую руку от него мужчина со шрамом через пол-лица грубо пихнул его в бок.

– Имей уважение к капитану!

Наш капитан скривился, но ничего не ответил. Мужчина в черном ухмыльнулся.

– Мое имя – Блад. Капитан Генри Блад.

Услышав имя пирата, Райт переменялся в лице. Я сглотнула вставший в горле ком. Человек, покушавшийся на жизнь королевы, лишенный за это титула и земель и приговоренный к казни. Сбежавший из тюрьмы, из которой, как считалось, нельзя сбежать. Объявивший войну всему флоту королевства Наровль. Человек, за голову которого была назначена награда золотом по весу.

Я думала, он куда старше, суровый воитель с печатью рока на челе. А он выглядит ровесником моего старшего брата! Даже младше, наверное. Когда вот так ухмыляется – больше двадцати пяти и не дашь.

– Итак, представьте меня леди, – продолжал он.

Капитан Райт заколебался, но острое клинка, проткнувшее камзол под ребрами, перевесило гордость.

– Леди Белла, разрешите вам представить господина Генри Блада, – выдавил капитан.

– Лорда Генри Блада! – снова пихнул его в бок головорез со шрамом.

– Лорд Генри. – Капитан снова скривился, ибо какой лорд из беглого преступника! – Представляю вам леди Эмму Бонни, графиню Атрорскую.

Генри Блад снял шляпу, отвесил издевательски-изысканный поклон. Прямо-таки идеальный поклон, словно стоял не на качающейся палубе, а посреди бального зала.

– Счастлив знакомству, миледи. Извольте проследовать на мой корабль.

Да неужели? Забыв обо всех правилах приличия, о том, что кругом орава незнакомых мужчин – да плевать, пусть думают что угодно, главное, что монастырь отменяется! – я бросилась ему на шею.

– Спаситель вы мой!

Если он и удивился, то совсем ненадолго, и времени даром терять не стал. Одной рукой обвил мою талию, притиснув к своему телу, второй подхватил под затылок, и шершавые губы накрыли мои. Задохнувшись от возмущения, я попыталась его отпихнуть – тщетно, мышцы под моими ладонями казались отлитыми из стали. Поцелуй длился и длился, язык проник мне в рот, дразня, и мои губы дрогнули, отвечая, подчиняясь его настойчивости. Целовался он умопомрачительно – в прямом смысле, – словно затмение нашло, так что я и думать обо всем забыла, кроме пальцев, перебирающих мои волосы, мягкого касания усов, и бороды, и настойчивых губ.

Я не сразу поняла, когда он наконец меня выпустил, – кружилась голова. Шум в ушах заглушал свист, улюлюкание и смех. Я хватанула ртом воздух.

– Да ты не промах, сокровище мое, – рассмеялся пират, не торопясь разжимать объятья.

А целуется он лучше Джека... при этой мысли перед глазами потемнело, корсет сдавил грудь¹, и, если бы Блад до сих пор не обнимал меня, я бы свалилась в обморок прямо на палубу. Как я могла увлечься поцелуем другого мужчины, когда у меня есть любимый?

– Не твое и не сокровище! – огрызнулась я, вырываясь.

¹ .В отличие от корсетов более поздних времен, в описываемую эпоху корсеты служили не для создания соблазнительных изгибов, а чтобы скрывать грудь.

В конце концов, он первый начал мне «тыкать». И вообще, говорить «вы» человеку, который, который... Да после такого поцелуя он на мне жениться должен!

– И в самом деле! – подал голос тот, со шрамом, что стоял подле капитана Райта. – По закону братства, добыча принадлежит всем поровну!

Так, кажется, предполагая, что хуже монастыря ничего быть не может, я кое-чего не учла. Но ведь этот Генри Блад – джентльмен, должен же он за меня вступиться? Или нет?

– Она не добыча, болван, – отрезал Блад. – Она – товар. Но выкуп за нее заплатят, только если ни волоска с головы не упадет.

Хорошо, что мне не разрешили взять с собой камеристку – слишком дорого оплачивать прислуге плавание туда-сюда. За нее-то точно выкуп бы не потребовали. Надо написать Мэри, чтобы молилась за моего батюшку. Я-то за него молиться точно не буду.

– Так нам не голова нужна, – гоготнул тип со шрамом.

Что-то свистнуло – я едва успела заметить, как колыхнулась магия, – меченый, вскрикнув, схватился за ухо. Сквозь пальцы потекла кровь.

– Следующему, кто посмеет мне перечить, воздушное лезвие оттяпает не кусок уха, а самый важный орган, – холодно произнес Блад, а я не к месту подумала, что его фамилия очень ему подходит².

Свободная рука меченого метнулась к низу живота, и Блад добавил:

– Голову. Тем более что ты все равно ей не пользуешься.

Он обернулся ко мне, понизив голос:

– Не найдется ли у тебя кости, которую можно бросить псам? Колье-браслеты и прочие побрякушки?

Я развела руками.

– В монастыре все это не нужно. У меня есть немного денег на дорожные расходы, но и только. Если бы я знала, что по дороге попадется джентльмен, готовый избавить меня от пострига, непременно припрятала бы пару безделушек.

На самом деле я успела кое-что украсть. Хотя какая эта кража – когда-то батюшка сам подарил мне эти перстни, и броши, и драгоценные украшения на корсаж. А потом запретил забирать их с собой и даже собственноручно обыскал мои вещи и карманы. Правда, в корсаже пошарить не догадался. Так что у меня было с собой несколько перстней и еще кое-что на случай, если понадобится проложить золотом дорогу из монастыря.

– Жаль.

– Погодите! – вспомнила я. – Есть молитвенник в драгоценном окладе.

Глаза бы мои на него не глядели! Вручая мне томик, окованный золотом и драгоценными камнями, отец полагал, что недели пути, как и месяц взаперти до того, я проведу в покаянии и молитве. Но если я в чем и раскаивалась, так только в неосторожности. Не заметила, что соседка по келье не спит, когда прокрадывалась на свидание. И влипла, естественно. После этого отец и решил, что ни один монастырь королевства Наровль меня не удержит, а значит, нужно отправить меня за море. На корабле кого-то из купцов, с которыми он вел дела.

– Сейчас принесу. – Я шагнула было к двери в надстройку на палубе, откуда трап вел вниз, к каютам. Блад ухватил меня за локоть.

– Не торопись, сокровище мое. Не зверь же я, чтобы отбирать у леди единственное утешение?

– Нет-нет, я готова его отдать! В обмен на... – Я осеклась, увидев его ухмылку.

– Тебе не кажется, что положение немного не то, чтобы ставить условия? Я ведь могу послать парней обыскать твою каюту. – Он придвинулся ближе. – А сам – обыскать тебя.

² . Blood – кровь (англ.).

Его взгляд обжег жаром лицо, и мне понадобилось немало сил, чтобы изобразить милую улыбку.

– Но тогда вам придется почувствовать себя зверем, отобравшим у леди последнее утешение. К тому же вы меня не дослушали. В обмен на книгу и деньги, которые у меня есть, я прошу лишь забрать меня с этого корабля.

Да, я понимала, что моей репутации после этого конец, возможно, и жизни тоже. Но отец и так назвал меня потаскухой. И после пострига точно некуда будет деваться – обеты перед Господом скреплялись магией, нарушить их – умереть на месте. Хоронить себя заживо в монастыре я не собиралась. Умереть тоже всегда успею, на тот свет еще никто не опаздывал, а так, может, побарахтаюсь.

– Что ж, твое условие совпадает с моими намерениями. Не возражаешь, если мои парни сами заберут все ценное из твоей каюты?

– Как я могу возражать? – захлопала я ресницами.

– Именно. – Он подал мне руку, снова галантно поклонившись. – Пойдем, провожу тебя в каюту.

Он обернулся к мужчине средних лет, до сих пор молча стоявшему рядом.

– Джеймс, пригляди тут, пока я занимаюсь нашей гостьей.

Капитан подвел меня к борту. Дерево тут и там было разбито в щепу, кое-где – окровавлено, и я наконец поняла, что это за запах я ощутила, едва оказавшись на палубе. Снова стал слишком тесен корсет и закружилась голова.

– Что будет с остальными? – прошептала я.

– Мертвых не воскресить, – негромко сказал Блад, и с лица его исчезла ухмылка. – Те, кто сдался, продолжают путь – только лишившись груза и золота.

Снова всколыхнулась магия, и борта двух кораблей сковал ледяной мост. Поверхность льда выглядела не гладкой, а словно из мельчайших кристаллов – можно ступать, не рискуя поскользнуться. Ничего себе! Обычно стихийники предпочитают совершенствоваться в чем-то одном, а этому словно все равно, какую стихию использовать. Несколько минут назад – воздушные клинки, сейчас вон лед. Интересно, а вода его тоже слушается? Тогда понятно, почему капитану так везет. Но как же его такого вообще под арест взяли?

– Обопрись на мою руку, и пойдём. – Его голос снова стал бархатным. – Или предпочтешь, чтобы я придержал тебя за талию?

Я фыркнула, вскочила на мост, но прежде, чем успела сделать пару шагов, капитан оказался рядом, подхватив меня под локоть.

– Осторожней, сокровище мое! Не в твоих интересах сверзиться за борт.

Да уж, плаваю я, наверное, как топор, даже если забыть про корсет и юбки. Впрочем, попробовать ни разу не доводилось, оставалось только завидовать братьям, которым это дозволялось.

Блад помог мне спуститься на палубу своего корабля. Я огляделась – крови почти не заметно, потому что все кругом выкрашено красным. Только внимательно посмотревшись, можно было увидеть алые капли, а еще они атели там, где сломанные доски обнажили светлое нутро дерева. Мертвых то ли уже убрали, то ли их не было, я не осмелилась размышлять об этом.

– К слову, каков груз? – светским тоном поинтересовался пират. – Осадка вашего корабля небольшая, трюмы наверняка полны.

– Откуда же мне знать? «Не забивайте свою хорошенькую головку такими сложными вещами», – передразнила я капитана Райта. – Все, что мне известно, – его владелец давно ведет дела с моим отцом и плавает...

– Ходит.

– Ходит в Новый Свет.

– А твоя хорошенькая головка не только для того, чтобы носить серьги? – хмыкнул Блад. – Ты способна думать?

– Да откуда ж мне знать? – повторила я. – Читать мне разрешено лишь писание и молитвенник, писать – подругам да стихи в альбомы. Если женщина начнет изучать науки, мозг потребует больше крови, и его не достанет матке, чтобы вынашивать здоровых...

До меня дошло, что увещевание нашего семейного лекаря я цитирую незнакомому – не считать же за знакомство поцелуй! – мужчине. Охнув, я прижала ладони к горящим щекам, как будто это могло их остудить.

Пират негромко рассмеялся.

– Что ж, моя библиотека к твоим услугам. Кажется, путешествие обещает быть забавней, чем я предполагал.

Он провел меня к корме, потом вниз по лестнице – трапу, вспомнила я. Отточенно изящным жестом пригласил пройти в дверь. Проводил через просторное светлое помещение, по центру которого стоял стол, накрытый картой, а на ней лежали какие-то странные штуковины. У одной стены от пола до потолка простирался шкаф, словно собранный из нескольких частей – здесь был и секретер, и выдвижные ящики на замках, и раскрывающиеся створки, сейчас сцепленные между собой защелкой с крючками.

– Это мой салон. Дневная каюта, – сказал Блад, распахивая еще одну дверь. – А тебе сюда.

– Но... – только и смогла пролепетать я.

Это была спальня! Просторная, светлая благодаря огромному окну, но все же – спальня! Кровать у одной стены, отгороженная занавесью, что образовывала нечто вроде алькова, сундуки у изножья и изголовья. На том, что ближе к голове, – раскрытая книга, перевернутая обложкой вверх. У противоположной стены – шкаф, рядом... почему-то рядом, а не в шкафу висит пара камзолов, штаны и – о ужас! – нательная рубаша. Он хочет, чтобы я оставалась здесь?

– Располагайся. Спать будешь на этой койке. – Он распахнул дверцу шкафа, за которой обнаружилась еще одна кровать, не такая широкая и довольно короткая, но я бы, пожалуй, поместилась, если бы... если бы не...

– Это же твоя спальня! Мужская спальня!

– Само собой. И не советую выходить за пределы моей каюты.

– Но я не могу жить в одном помещении с мужчиной!

– За то, что я не евнух, извиняться не буду. – Он ухмыльнулся. – Что до остального...

Прости, сокровище мое, но пассажирских кают на пиратском корабле не предусмотрено. Выселять ради тебя из каюты первого помощника я не намерен.

– Но...

– Но если ты категорически не желаешь оставаться со мной наедине, могу предложить место в кубрике...

В самом деле? Не знаю, что такое этот самый кубрик, но я готова хоть в каморке, где горничная хранит тряпки и ведра спать, лишь бы одна!

– ...с матросней, – закончил он.

Я вспыхнула.

– Ты издеваешься?

– Это пиратский корабль, а не приют для благородных девиц, – повторил Блад, придвинувшись ко мне, и я едва удержалась, чтобы не попятиться.

Разом вспомнилось, что мы беседуем вовсе не в чьей-то гостиной, а этот безукоризненный джентльмен – не приветливый хозяин и даже не мой поклонник. Озноб пробежал по позвоночнику, я попятилась, но пират ухватил меня за плечо, склонился так, что его дыхание щекотнуло лицо.

– Не твой фамильный особняк и не дорогая гостиница, – продолжил он. – Потому терпеть твои капризы никто не будет. И свою постель я тебе не уступлю, уж извини. Как и полага-

ется злому пирату, я прежде всего подумаю о своем удобстве и своих людях и лишь во вторую очередь – о девице, которая почему-то жаждет приключений на свою... – он сделал выразительную паузу, – голову.

Он кивнул в сторону шкафа.

– Эту койку прежний хозяин корабля держал для денщика, но я обхожусь без него. Тебе места хватит.

Он выпустил мою руку и снова издевательски изящно поклонился.

– Располагайтесь, леди Белла. Я вынужден вас оставить на некоторое время. Эта каюта и соседний салон в вашем распоряжении, можете выбирать книгу, какую пожелаете. – Его идеально вежливый тон настолько не сочетался с угрозой, только что прозвучавшей в голосе, что меня снова пробрал озноб. – Но настоятельно не рекомендую выходить за двери салона. Вы меня поняли?

Чего ж тут не понять, не дура. Хотя, кажется, все-таки дура.

Глава 2

Пират скрылся за дверью. Я снова огляделась. «Располагайся» – интересно как? В том шкафу, что будет служить мне кроватью, был и тюфяк и подушка, но ни наволочки, ни простыней. Не рыться же мне в сундуках?

Хотя он сказал: «Располагайся». Значит, можно и порыться. В конце концов, едва ли мне попадется карта, на которой кровью обозначено место, где зарыто золото. Единственное, на что я могу наткнуться, – на нижнее белье... При этой мысли я залилась краской. Нет уж, подожду хозяина каюты, пусть сам скажет, куда можно совать нос, а куда не стоит. И принесут ли мои вещи? А то даже сорочку не сменить в этакую жару. Надо было попросить. Может, он еще не ушел далеко?

Я выскочила в соседнюю комнату – салон, как назвал ее капитан. Никого. Коснулась двери на палубу. Может, догнать? Да, прямо-таки представляю, как капитан бросит все свои дела по мановению моих ресниц и озаботится моими пожитками. Тем более что он настоятельно не рекомендовал мне высовывать нос за пределы салона.

Отвернувшись от двери, чтобы не вводила в соблазн, я подошла к полке, на которой боком лежали книги. Всего-то три штуки, это он называет библиотекой? Вот у нас дома была целая библиотека, томов тридцать, наверное. Впрочем, мне оставалось только смотреть на нее и вздыхать. Я провела пальцами по корешку. «Начертания стран и земель». Однажды я попыталась ее прочитать. Как батюшка кричал, обнаружив ее у меня в комнате! Сперва – на меня, потом – на Роланда, среднего брата, который дал мне книгу. «Хочешь, чтобы у твоей сестры случилось воспаление мозга? Женский разум не способен понять столь сложные вещи!» На миг мне показалось, что он бросит книгу в камин, но отец сдержался. «Жития святых – вот подобающее чтение для юной девы! Они учат вере, скромности и целомудрию!» Он шарахнул толстенным фолиантом об стол так, что бумажная пыль полетела во все стороны.

Я решительно стащила книгу с полки и уселась на диванчик у стены. Над головой что-то загремело, заставив меня подпрыгнуть. Следом раздался взрыв ругани. Я закрыла ладонями уши при первых же словах. На том корабле, что плыла я, матросы тоже сквернословили напропалую. Если бы отец знал, какие выражения в ходу и насколько тонки стенки кают на кораблях, он бы не отправил меня за море. А может, ему уже было все равно. Он же предложил мне выбирать – яд или монастырь.

От меня отвернулись все, даже Роланд, который всегда поддерживал! Даже мама только вздыхала, гладила меня по голове, когда я рыдала у нее на плече, и уговаривала, как и много раз до того: «Смирись, милая. Смиряться и терпеть – наша женская доля. Батюшка очень добр к тебе, учитывая все обстоятельства».

Но разве я виновата, что родилась женщиной? Или что просто хотела любить и быть любимой?

Шмыгнув носом, я перелистнула страницы в поисках той, на которой остановилась когда-то. Нет, уже не помню толком, нужно читать все сначала. И карты. Надо в этот раз не пролистывать карты, а как-то попытаться разобраться. Спросить у Блада? Ответит или тоже скажет, что не по женскому разуму?

Едва я вспомнила о капитане, как дверь открылась и вошел он сам в сопровождении матроса, который тащил мой сундучок. Повинуясь начальственному жесту, матрос поставил его и вышел.

– Не слишком щедры к тебе родители, – заметил Блад. – Всего-то два платья на смену и никаких безделушек.

Он расстегнул кафтан, бросил на один из сундуков у стены и занялся пуговицами жилета.

– Вы копались в моих вещах?! – возмутилась я.

– Ты же сама сказала, что готова отдать молитвенник. – Жилет последовал за кафтаном, и капитан взялся за галстук, распуская его. – А я предупредил, что мои парни сами все найдут.

Я моргнула, тихо ойкнув. Ни отец, ни братья не позволяли себе появляться перед женщинами дома – не считая прислуги, само собой, – без жилета и галстука. Поверх которых в доме обязательно надевался халат, смотря по времени года – или узорчатый шелковый, или бархатный, а то и вовсе стеганный шерстяной. Видеть полуодетого мужчину мне до сих пор не доводилось.

Он хочет меня оскорбить? Уравнять с прислугой?

– Но в сундуке было нижнее белье!

– И чего я, по-твоему, не знаю о дамском нижнем белье?

Прежде чем я успела покраснеть, Блад потянул вверх рубаху. Я пискнула и зажмурилась, едва увидев кожу над поясом, перехватившим его талию. Капитан рассмеялся, и от этого негромкого смеха мурашки скользнули у меня по телу.

– Привыкай, сокровище мое.

Он успел подойти так близко, что между нами словно завибрировал воздух – так дрожит он вокруг шаровой молнии, готовой слететь с пальцев мага. Как и рядом с такой молнией, мельчайшие волоски на моих руках встали дыбом.

– В этих краях довольно жарко.

Да уж, я успела это ощутить, да и сейчас у меня разом вспотела спина и пересохли губы. Но любой маг, владеющий холодом, знает, как надолго остудить воздух в помещении, и капитан – капитан Райт – был так мил, что оказывал мне такую услугу.

– Не морочь мне голову! – возмутилась я, по-прежнему крепко зажмурившись. – Можно же охладить каюту!

– Ну так охлади.

От возмущения я даже глаза распахнула, да так и застыла, уставившись на его обнаженный торс. Блад усмехнулся, повел плечами, словно красуясь, под лоснящейся кожей перекатились мышцы. Даже шрамы его не портили.

Нет, здесь в самом деле слишком жарко, кажется, раскалился даже воздух и перестал проходить в легкие. Закружилась голова.

– Ты прекрасно знаешь, что женщинам недоступна стихийная магия, – выдавила я.

Голос почти пропал, отказавшись повиноваться.

Пират шагнул ближе, я попятилась было, но за спиной оказался диванчик, на котором я сидела, просматривая книгу, и я весьма неизящно на него плюхнулась. Рука Блада вздернула меня за плечо, дыхание обожгло щеку.

– А я предпочитаю не тратить силы, особенно после боя, когда можно просто снять рубашку. Ты, к слову, тоже вольна раздеться, чтобы не потеть. Мне уже доводилось видеть женщин.

– Да ты издеваешься!

Я попыталась его отпихнуть, но ладони коснулись кожи, ощутили упругое сопротивление мышц, и я, ойкнув, отдернула руки, обхватила себя за плечи. Блад снова рассмеялся – негромко и очень... волнуяще. Отступил, и я наконец смогла дышать. Капля пота стекла по виску, и я в который раз пожалела, что оставила веер на столе в своей каюте. Там он, наверное, и сгинул.

Блад меж тем сдвинул на край стола карты, сунулся в шкаф и извлек оттуда кувшин. Провел над ним ладонью, и внутри плеснула вода. Стенки кувшина мигом запотели. Ага, не хочет он магию тратить, как же. Глядя на мельчайшие капли влаги на глиняных стенках, я поняла, что в горле у меня пересохло окончательно, так что даже глотнуть невозможно. За кувшином последовала бутылка, тоже мгновенно запотевшая, и два серебряных бокала с эмалевой инкрустацией. Блад плеснул в оба бокала – в воздухе промелькнул фруктово-хмельной запах, – долил воды.

– Держи, сокровище мое. – Он протянул мне один бокал, отхлебнул из второго, лукаво улыбнулся, точно говоря: «Видишь, я не пытаюсь тебя отравить».

– Не называй меня так. – Я подавила желание опустошить бокал себе на голову, чтобы остыть.

Отхлебнула слишком много, поперхнулась и закашлялась.

Он в который раз усмехнулся, небрежно опустился на стул и вытянул перед собой скрещенные в лодыжках ноги.

– Видишь ли, в чем дело. – Он снова пригубил вина. – Тебе придется стать моим сокровищем. Иначе для тебя все может обернуться очень плохо.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я.

– Ваш корабль вез живой товар. – Ухмылка слетела с губ Блада, его лицо и голос стали жесткими. – Каторжников, работать в колониях. И сервентов.

Сервентами называли людей, которые продавали себя капитанам корабля. За морем, в колонии, капитан перепродавал их фермерам с аукциона. Через пять-семь лет сервент становился свободным, получал от хозяина инструменты и волен был занять столько свободной земли, сколько захочет. Если, конечно, проживет эти пять-семь лет. И потом сможет защитить свою новообетенную землю от туземцев.

Блад не совсем прав – это не то чтобы торговля живым товаром. Но очень близко к тому. Меня перевернуло. С таким человеком вел дела мой отец? Может быть, и он зарабатывал, продавая каторжников за море, потому что наши земли перестали приносить прежний доход? Арендаторов согнали, чтобы освободить место для овец и продавать шерсть в город, где из нее делали ткань. Но цены на шерсть начали падать, потому что не один батюшка поступил так же. Я не слишком разбиралась в мужских делах – да кто бы мне позволил в них разбираться! – но некоторые услышанные разговоры вносили ясность в происходящее.

Я отпила разбавленного вина, пытаюсь успокоиться.

– Какое это имеет отношение ко мне?

– Самое прямое. Ваш корабль казался лакомым куском, а на деле вышел пшик вместо добычи. Перепродавать этих людей я не стану, хотя мог бы.

– Потому что сам мог бы оказаться на месте кого-то из каторжников? – поинтересовалась я и ойкнула, сообразив, что лучше бы прикусить язык. Но Блад лишь широко улыбнулся.

– Исключено. Меня ждало повешение³, кастрация, потрошение, четвертование и, наконец, отсечение головы. От безголового каторжника мало толка.

На миг мне захотелось провалиться сквозь землю. Блад меж тем продолжал:

– Часть из них напросилась в команду. Те, кто переживет первый бой, заменят погибших в последних стычках.

– Ты вот так просто взял в команду каторжников? – не удержалась я. – А если они, оказавшись на свободе, примутся за старое?

Он пожал плечами.

– Судя по тому, что они умудрились попасться в Наровле, попадутся и на корабле, и в Дваргоне, куда мы идем. Только ни здесь, ни там агнцев нет, так что я бы поставил не на каторжников. Но лишних людей нужно кормить. А еще при штурме вашего корабля одному парню рассадил плечо до самой кости. Хирург сделает все, что может, однако, скорее всего, руку парень потеряет, значит, команде придется компенсировать ему увечье. Смекаешь, к чему я веду?

– Дополнительные расходы вместо добычи. А псам нужно бросить кость.

³ . Да, такая казнь практиковалась применительно к государственным изменникам. Вешали не до смерти, вынимали из петли и продельвали все остальное.

– Умница! – Он отсалютовал мне бокалом, пригубил, и я сама невольно сглотнула вслед за ним. – Я считаюсь удачливым капитаном, и на мой корабль отбоя нет от желающих. Но капитаном я останусь, только пока будет добыча. Которая, по законам пиратского братства, принадлежит всей команде. Если псов не кормить досыта – они кинутся на хозяина.

– Но разве ты не капитан? Разве они не обязаны тебе повиниться?

Он расхохотался, не дав мне договорить.

– Это не мальчишки-певчие, это матерые головорезы, которые ради золота мать родную ножом пырнут. Я держу их вот так. – Блад сжал кулак. – Но и мои возможности не беспредельны.

– Я все еще не понимаю, при чем здесь я. – Я поднесла к лицу бокал, чтобы скрыть задрожавшие губы.

Добыча принадлежит всей команде, а из добычи только я. Интересно, они жребий бросать будут или, как тот царь из притчи, разрубят на кусочки, чтобы всем поровну досталось? Даже не знаю, какой вариант предпочесть.

Может, попросить капитана смухлевать с монеткой или костями, что там они выберут в качестве жребия? Если он один стихийный маг на команду, жульничество, может, и удастся. Только все равно ж расплачиваться придется. При этой мысли щеки запылали, и я торопливо отхлебнула вина, едва снова не поперхнувшись.

– Так-таки и не понимаешь, при чем здесь ты? – поинтересовался он.

– У меня для этого мозгов слишком мало, – улынулась я, похлопав ресницами. – Все же знают, что женский мозг на четверть меньше мужского, так что не говорите загадками. Я все равно не в состоянии их разгадать.

– На восемь процентов меньше мужского. – Капитан вернул мне улыбку. – Но хорошо, говорю прямо. Или за тебя платит кто-то из твоей родни, и ты остаешься моим сокровищем, или становишься сокровищем общим.

Он не торопясь приблизился, забрал из моих рук опустевший бокал. Налил еще вина.

– Но, судя по тому, как скудно содержимое твоего сундука, родители не слишком о тебе пекутся. Похоже, им и на жизнь твою наплевать, иначе приставили бы сопровождающего.

Да слава богу, что не приставили, какие бы мотивы у них ни были.

– И чем бы мне сегодня помог сопровождающий? Героически сложил голову у моих ног?

Блад, точно не услышав меня, продолжал:

– За что тебя сослали в монастырь так далеко? Застали с задранной юбкой?

– Да как ты смеешь! – вспыхнула я.

– Смею. – Его голос снова стал жестким. – Говори правду, чтобы я понимал, на что рассчитывать. Если мы несколько недель прождем ответа, а надежды не оправдаются, плохо будет в первую очередь тебе. Итак, за какую провинность тебя сослали в Новый Свет, точно каторжника?

В памяти сами собой всплыли руки Джека, шарящие по моему телу, мое неловкое «не надо, пожалуйста» и его горячий шепот «ну что ты, глупышка, это и есть любовь», затем – боль. Его ладонь, закрывшая мне рот, чтобы никто не услышал вскрик.

Если это и есть любовь, я готова была смириться и терпеть, только бы он меня любил. Но когда я вернулась в келью из монастырского сада, меня уже ждали. Пятно на черной робе послушницы было едва заметно, но его все же углядели. Мать-настоятельница рвала и метала, забыв о должном смирении: ведь родители отправили меня послушницей в монастырь, чтобы разлучить с Джеком. Почему-то простое предложение не сообщать моему отцу – а ведь я в самом деле пеклась не только о себе, батюшка не погладит по голове и тех, кто не уберег его дочь, – вывело ее из себя.

– Я не... – Нет, я просто не могу выговорить вслух при мужчине «не смогла уберечь девичью честь». – Я не послушалась. Они не хотели, чтобы мы виделись с одним человеком.

- А он оказался настойчив? – ухмыльнулся Блад. – Что же, совсем неподходящая пара?
- Батюшка твердит, что да.
- А что так? Нищ, как церковная крыса?
- Нет! – воскликнула я. – Джек богат и знатен!
- А еще наверняка красив, как вестник божий, – расхохотался пират.
- Да! Красив, и учтив, и...
- И преисполнен всяческих достоинств, не то что некоторые. Если он настолько прекрасен, почему твой отец против?
- Откуда мне знать? Все, что мне сказали, – «не твоего ума дело» и «он тебе не пара». Блад покачал головой.
- Беда с юными девами. А ведь на миг мне показалось, будто ты умеешь пользоваться мозгами. Богат, значит. Ты ему дорога?
- Конечно! Он сам не раз говорил, что любит меня! – Я вздрогнула от хохота Блада.
- Чего только мы не говорим, чтобы получить от женщины... – Он выразительно ухмыльнулся, я залилась краской. – Благосклонность. Насколько ты ему дорога?
- На глаза навернулись слезы. Как он смеет смеяться над моими чувствами? Над нашей с Джеком любовью!
- Дороже жизни!
- Он постучал пальцами по столу, словно по клавишину.
- Смелое заявление. И очень самоуверенное, я бы сказал. Ну что ж, сделаю вид, что поверил. Как полное имя этого прекрасного во всех отношениях молодого человека?
- Джек Роджерс.
- Роджерс? – Блад подался вперед, ноздри его хищно раздулись. – Граф Брийский?
- Последние два слова он прорычал. И от выражения лица, и от тона его голоса у меня по спине пробежал холод, невзирая на жару.

Глава 3

– Ты его знаешь? – спросила я.

Глупый вопрос на самом деле, кто же не знает графа Брийского. Поговаривали, что он – фаворит королевы, но я не верила этим слухам. Люди склонны возводить напраслину на тех, кто лучше них. Кому многое удается.

– Знаю ли я его? – Блад поднялся со стула, и я попяtilась как была, сидя, пока не уперлась спиной в стену.

Под его взглядом я ощутила себя мышонком, чей хвост прищемила ловушка. Не сбежать, не скрыться, остается только ждать расправы.

– Этот человек меня оклеветал.

Он оказался рядом, вздернул меня за плечо.

– Значит, он сорвал и этот цветок? – Блад улыбнулся.

Если бы он кричал, топал ногами, грозился убить – я испугалась бы меньше.

Собака лает – не кусает, мало разве мне довелось видеть отцовских гневных вспышек? Вот только Блад не кричал и не злился, просто смотрел и улыбался, и под этим взглядом, и от этой улыбки у меня кровь замерзла в жилах. Он больно сжал волосы у меня на затылке, заставляя приподнять лицо.

– Так, говоришь, ты ему дорога?

Моя рука сама собой скользнула в карман, куда я успела сунуть нож для разрезания страниц, прихваченный из дома. В чем-то Блад был прав – девушке не стоит оказываться так далеко от дома без сопровождения и без оружия. Вот только поможет ли мне это лезвие? Совсем ведь небольшое, с мою ладонь...

– Что, собираешься отыгаться на женщине, не сумев одолеть мужчину? – Мои пальцы стиснули костяную рукоять.

Помогло, они хоть дрожать перестали.

– Спасибо за идею, – все так же негромко и жутко произнес он. – Как думаешь, если с тобой что-то случится, твоему Джеку хоть на миг станет так же горько, как было мне после вести о смерти матушки? Она умерла от разрыва сердца, не вынеся вести о моем приговоре. На руках у чужих людей, оставшись без дома и денег. Потому что твой разлюбленный Джек оболгал меня.

Я сжала рукоять из слоновой кости. Нет уж, забавой для него и его людей я не стану! Последний выход есть всегда, хватило бы решимости.

– Что ты со мной сделаешь? – пролепетала я.

Он улыбнулся, холодно и жутко:

– Именно об этом я сейчас и думаю. Что мне с тобой делать?

Дождаться, пока он что-то решит, я не стала: нервы не выдержали. Коснулась его бока рукой, в которую он вцепился, – как удачно, что он скинул одежду и под моей ладонью оказалась кожа, – и, призвав магию, представила нервы, проходящие в бороздах по нижним краям ребер, послала в них импульс.

Блад вскрикнул, отшатнулся, неловко перекосившись, словно бок свело спазмом. А я, отскочив, ткнула его ножом слева от грудины.

Попыталась ткнуть. Даже скривившись от боли, он среагировал – отступил в сторону и назад, так что кончик лезвия лишь прочертил алую полосу на коже. Я метнулась к окну, поняв, что выбора у меня не осталось вообще – за попытку его убить пират по головке не погладит.

Он снова оказался быстрее меня – поймал за плечо, разворачивая, сжал запястье так, что нож выпал из моих онемевших пальцев.

– Белены объелась?

– Я?! Я пыталась договориться по-хорошему и вела себя пайнкой, пока ты не вздумал отыграться на мне за грехи Джека – если они вообще существуют!

Он ругнулся, притиснул меня к стене, перехватив оба запястья над моей головой. Я дернулась, попытавшись пнуть его – но юбки замедлили движение. Блад изогнулся, уходя от удара, а потом, точно издеваясь, прижался всем телом так, что я вздохнуть толком не смогла, не то что пошевелиться. Провел ладонью по моему боку, не обращая внимания на попытки вырваться. Ругнулся.

– Нет, так не пойдет, мало юбок, так под этим демоновым корсетом аркебузу можно спрятать!

Ага, как же! Сам бы попробовал надеть корсет и что-то под него спрятать! Хорошо, если бы синяками отделался.

Он потянулся к магии, мои запястья обожгло холодом. Вскрикнув, я попыталась оторвать их от стены, задрала голову разглядеть, что там, – не получилось ни того, ни другого.

– Ледяные оковы, – ухмыльнулся Блад. – Не будешь брыкаться, управимся до того, как отморозишься по-настоящему.

Я выругалась и попыталась лягнуть его, но добилась лишь того, что он прижал к стене мое колено и лед приковал лодыжку, а в следующий миг и другую.

Блад отступил, смерил меня долгим взглядом. Меня затрясло – то ли от холода, то ли от страха.

– Придется тебя обыскать, сокровище мое, – промурлыкал он, словно не замечая раны на груди.

В голосе появились незнакомые хрипловатые нотки, от которых – или все от того же проклятого холода – моя кожа покрылась мурашками.

Снова приблизившись, он начал выдергивать булавки, соединяющие бока платья с центральной вставкой корсажа. Я забила – тщетно.

«Надо было не пробивать нервы, а сразу останавливать сердце», – запоздало сообразила я. Что ж, задним умом мы все крепки.

– Пусти, у меня больше нет оружия, – всхлипнула я. – Правда!

Он покачал головой, продолжая быстро и умело расправляться с булавками. «Явно не одну даму раздел за свою жизнь», – мелькнула нелепая мысль.

– К слову, что это было такое? – поинтересовался он, когда стомак полетел на пол. – Чем ты меня так дернула?

– Не скажу, – выдохнула я.

Есть вещи, о которых нельзя знать мужчинам, – это я усвоила с самого детства. Вроде лунных дней. Или магии, доступной некоторым женщинам.

Он усмехнулся, высыпал на пол булавки из кулака. Стянул полупрозрачную косынку, прикрывающую декольте, я вздрогнула, когда шелк щекотнул кожу. Блад провел кончиками пальцев по моей шее к груди до выреза сорочки. Шепнул, склонившись к уху:

– А если я очень-очень хорошо попрошу?

Сердце замерло, ухнуло в низ живота и почему-то забило там, разлилось жаркой волной по телу, а в следующий миг снова окатил холодом страх. Во рту пересохло, и я замотала головой, не в силах выдать не слова.

Показалось мне или он коснулся губами моей шеи?

Показалось, потому что в следующий миг он резко распахнул полы моего платья и распутал завязки верхней юбки. Стой я свободно, тяжелая ткань упала бы на пол, но я все еще была прижата к стене, и юбка осталась на месте. Впрочем, я недолго радовалась. Блад дернул юбку книзу. Выпрямившись, оглядел меня с головы до ног с ледяным выражением лица. Отвязал с моей талии карманы.

– Отдай, это мое! – вскрикнула я.

– Было ваше – стало наше, – ухмыльнулся он, прощупывая ткань.

Слезы в который раз навернулись мне на глаза – в карманах были все украшения, что мне удалось прихватить из дома. С идеей подарить караульному перстень и улизнуть с корабля придется проститься. Ох, да о чем это я! Похоже, мне скоро с жизнью придется проститься!

Блад вытряс содержимое карманов на стол, хмыкнул.

– Негусто.

– Тебе с твоими головорезами и этого много будет, – огрызнулась я.

Он вернулся ко мне, сдернул с меня нижнюю юбку. Оглядел корсет.

– Если я освобожу тебя, не будешь брыкаться?

– Еще как буду!

Он все равно меня убьет, и хорошо, если сам, а не отдав команде. Так смысл не брыкаться? Чтобы ему удобней было сперва меня обесчестить, а потом убить? Нет уж, сам это затеял – пусть сам и думает, как стащить с меня корсет.

Вот когда я порадовалась, что все мои мучения с этой деталью туалета оказались не напрасны! Даром что в дорогу мне пришлось сделать корсет как у простолюдинки – не лиф, а просто корсаж, что заканчивался под мышками. Все равно без служанки и одевание и раздевание каждый раз превращалось в мученье. Зашнуровать корсет, перевернув застежкой вперед. Развернуть как положено, расправить рубашку, которая, естественно, уезжала вслед за ним, затянуть шнуровку, едва не вывихнув плечи из суставов, кое-как завязать, а вечером пытаться ее распустить, снова изгибаясь в самых немыслимых позах.

Вот пусть теперь Блад ломает голову, как стащить корсет, не отлепляя меня от стены. Чем дольше он со мной провозится, тем дольше я проживу. Хотя странно, что он просто не перерезал мне горло в отместку за рану. А я, дура, поначалу сочла его джентльменом.

Пират приблизился, обнял, пробираясь ко мне за спину. Отшатнулся, когда я попыталась вцепиться зубами ему в шею. Выругался.

– Сама напросилась.

Он снял со стены нож, вернулся ко мне. Страх снова сковал льдом тело: одно дело – понимать, что конец неизбежен, другое – когда он обретает вполне реальные очертания. Блад поддел верхний край корсета – я взвизгнула, когда его пальцы коснулись груди. Пират потянул плотную ткань на себя, подцепил ножом, одним движением располозовав надвое. Я закашлялась, слишком резко вздохнув. Закружилась голова, и потемнело в глазах, а когда я опомнилась, последняя нижняя юбка лежала на полу, оставив меня в одной батистовой сорочке чуть выше колен и чулках.

Блад обшарил меня взглядом. Щеки стали горячими и тяжелыми – проклятый батист был почти прозрачным.

– Так, с этим все ясно, – проговорил он, и бархатный голос, казалось, стал еще ниже. – Остались юбки.

Он присел у моих ног, посмотрел снизу вверх, и я зажмурилась, чтобы не видеть его взгляда. Всхлипнула, поняв, что он может разглядеть. Да даже Джек не видел меня в одном белье, не говоря уж...

Стыд кипятком растекался по телу, почему-то собравшись жаром внизу живота.

– Говорю же тебе, у меня нет оружия, – прошептала я. – Зачем?

– Ты говорила, что и золота у тебя нет, а в этой груди оборок можно любовника спрятать, – ухмыльнулся он.

Мои лодыжки вдруг обдало жаром, а потом в них точно впились десятки раскаленных игл. Я взвыла, а Блад разом сгреб весь ворох ткани, вытащив его из-под моих ног. Перетряхнул юбки одну за другой. Хмыкнув, отложил одну в сторону – как раз ту, в пояс которой было вшито полдюжины золотых! Впрочем, на том свете мне они не понадобятся.

– Что там? – поинтересовался пират. – Золото?

– Золото, – подтвердила я.

Голос не слушался, тело то обжигал стыд, то морозил страх, к онемевшим ногам начинала возвращаться чувствительность, добавляя неприятных ощущений.

– Отпусти меня. Ты уже нашел все, что мог.

– Правда? – приподнял бровь он. – А может, мне еще кое-где поискать?

– Где? – не поняла я.

Он усмехнулся. В следующий миг исчезли оковы с запястий, и я, не удержавшись, повалилась прямо на руки пирату. Зарыдала в голос – боль в кистях казалась невыносимой.

Когда я опомнилась, оказалось, что я сижу на коленях у Блада как была – только в сорочке и чулках, а он растирает мне запястья.

– Потерпи немного, – приговаривал он негромко и как-то даже... ласково? – Сейчас пройдет. Вот видишь, уже порозовели. Просил же...

Я стиснула зубы. Просил, да. Не сопротивляться, чтобы было быстрее и удобней.

Всю жизнь, все мои восемнадцать лет, я слышала одно и то же. Молчи. Терпи. Смирись. Не возмущайся. Будь тихой. Будь скромной. Будь покорной.

Покорно жди, пока с тобой позабавятся от души, а потом убьют.

Я выдернула руки из его ладоней. Получилось слишком резко – потеряла равновесие и слетела с его колен. Больно ударилась локтем, подскочила и в следующий миг снова забилась в жестких руках.

– Пришла в себя, значит.

Тело совершило какой-то немыслимый кульбит, закружилась голова. Отдышавшись, я обнаружила, что лежу поперек его колен с задранной до поясницы рубашкой, руки выкручены за спину. Шлепок обжег ягодицу. Я вскрикнула и снова разрыдалась.

«Пожалеешь розгу – испортишь ребенка», – любил говаривать батюшка. На меня он розог не жалел, порой сидеть не могла. Помогло, правда, так себе, иначе не оказалась бы я здесь. Но одно дело – розга от родителя, другое – рука постороннего мужчины. Еще шлепок и еще – удары сыпались градом, пока я не обмякла в его руках, дрожа и всхлипывая.

Меня снова вздернули вертикально, усадили боком на колени.

– Ну и на что ты рассчитывала? – рявкнул Блад. Одной рукой он снова держал за спиной мои запястья, второй – сжимал волосы на затылке, развернув мое лицо к себе. – Убила бы ты меня, и что? Потом – что?

– Не знаю! – всхлипнула я. – Какая разница, если все равно...

– Не все равно! На этом корабле пять дюжин мужчин, которые женщин месяцами не видят! Ты понимаешь, что бы с тобой сделали, когда узнали о моей смерти? Пару дней, может, и протянула бы, всей... душой прочувствовав, что такое смерть на колу!

– Ты все равно собирался отдать меня им, так какая разница? – закричала я ему в лицо.

– Да с чего ты это взяла, дура!

– Ты сам сказал!

Он выругался.

– Я сказал «не знаю, что с тобой делать».

– Так и я о чем! Что я должна была подумать?

С его лица исчезла ярость.

– Страх – плохой советчик, сокровище мое.

Блад выпустил мои руки, провел кончиками пальцев по щеке, стирая слезы. Я вздрогнула от этого прикосновения. Замерла под его взглядом, где медленно истаивало бешенство, сменяясь выражением, которого я не могла разгадать.

Он снова провел пальцами по моей щеке, по шее. Я задрожала – уже не от страха, просто кожа стала неожиданно чувствительной, и каждое его прикосновение словно простреливало маленькой молнией. Жар с горящих ягодиц перетек в низ живота, заливая его тяжестью.

Блад притянул меня за затылок, впился в губы, и мои сами раскрылись, отвечая на поцелуй. Его язык скользнул мне в рот, играя с моим, руки сами обвили его шею. Его ладонь накрыла мою грудь, и я застонала, точно воск плавясь под его прикосновениями. Сорочка поползла вверх, и я не стала сопротивляться – хотелось ощутить его кожу не только ладонями, прильнуть всем телом. Я позволила снять ее, развернуть себя верхом на его коленях. Всхлипла, когда он прильнул губами к груди, вжимаясь в него там, где наливалась жаром томительная пустота, словно он один мог ее заполнить.

– Паруса! – закричали наверху. И снова, уже громче: – Капитан, паруса!

Блад ругнулся сквозь зубы. Я вздрогнула, заморгала, точно просыпаясь.

– Что там?! – рявкнул он.

От этого рыка я окончательно пришла в себя. Слетела с его колен, подхватывая сорочку непослушными руками. Попыталась надеть ее – запуталась в ткани, словно никогда раньше не одевалась сама.

– Фрегат под флагом Наровля!

Капитан снова выругался – на этот раз в голос.

– Уйти сможем?

– Уйти? – Кажется, в голосе того, наверху, послышалось изумление. – Нет, они быстрее.

Блад перевел взгляд на меня, и я пискнула, прикрывшись ворохом ткани, в который превратилась моя одежда. Поднять глаза казалось невозможным. Отец был прав, я просто... просто распутная девка!

Глава 4

– Значит, наперехват! – крикнул Блад, и сверху донесся торжествующий рев.

Мало им сегодня одного боя? Или надеются на добычу, раз уж с нашим кораблем не повезло? Но чем можно поживиться на фрегате? Жалованьем офицеров?

– У многих моих людей есть счета к властям Наровля, как и у меня самого, – пояснил капитан, словно прочитав мои мысли.

Он усмехнулся, глядя, как я пытаюсь влезть в сорочку, одновременно не выпуская из рук юбок, которыми прикрывалась. Начал одеваться сам, и получалось у него куда быстрее, чем у меня. К тому времени, как он облачился в камзол, я натянула лишь сорочку и одну нижнюю юбку и, мысленно костеря пирата на все лады, безуспешно пыталась сколоть на груди разрезанный корсет. Булавок не хватало – они раскатились по всему полу. Где-то в сундуке у меня была коробочка с запасными, но едва я шагнула к нему, меня снова бесцеремонно схватили за плечо.

– Некогда возиться со всем этим, – сказал Блад.

Прежде чем я успела возмутиться, он опять сдернул с меня корсет. Булавки зазвенели по полу, я дернулась, не зная, что ловить – то ли их, то ли собственное нижнее белье.

– Брось, говорю, потом соберешь. Стой смирно.

Я замерла – было что-то в его голосе, разом отбившее желание спорить. Пират сунулся в сундук, извлек отрез шелка – роскошного, такой в пору только королеве носить. Повторил:

– Стой смирно!

Замотал меня в этот кусок шелка, точно гусеницу, вытащил из моего сжатого кулака пару булавок, что я успела подобрать, подколол край отреза. Оглядел меня критическим взором.

– Сойдет. За мной.

Я засеменила следом – туго обмотанная вокруг бедер ткань не давала шагнуть как следует, юбки, к которым я привыкла, давали куда больше простора. В очередной раз не рассчитав шаг, я пошатнулась и, если бы не рука пирата, шлепнулась бы. Блад ругнулся себе под нос, а потом просто перекинул меня через плечо, точно куль с мукой. Я взвизгнула, заколотила кулаками по его спине.

– Уймись, или снова по мягкому месту прилетит! – рявкнул он.

Я перестала брыкаться, но смолчать не смогла.

– А тебе только повод дай, что ли, руки распустишь? Поставь меня, я девушка, а не мешок с навозом!

– Норов у тебя похуже, чем у мешка с навозом, будет, – фыркнул Блад, продолжая меня тащить куда-то вниз.

– Ах, ты...

– Придержи язык, – негромко и буднично велел он, и что-то такое прозвучало в голосе, что я мигом захлопнула рот.

Я задрала голову, чтобы увидеть хоть что-то, кроме его поясницы. Получилось так себе – кругом стоял полумрак, в котором виднелись человеческие фигуры. Я ждала насмешек, но людям явно было не до меня. Что-то скрипело, что-то стучало, кто-то поминал родственников «ленивого тупицы» и их противоестественные связи, кто-то отчаянно богохульствовал. Я дернулась заткнуть уши и уронила руки. После всего, что сегодня произошло, едва ли я смогу ощущать себя леди. Кровь прилила к голове, зашумела в ушах, стало трудно дышать, но прежде, чем дурнота превратилась в невыносимую, Блад поставил меня на палубу. Я пошатнулась – от резкой смены положения все закружилось – и упала бы, не придержи капитан меня за талию.

Ждать, пока я восстановлю равновесие, он не стал, скомандовал:

– Голову береги! – И потащил меня вперед через низкую дверь. Чтобы пройти в нее, даже мне пришлось наклониться, а уж Блад и вовсе согнулся в три погибели.

Здесь было светлее – в дальнем конце помещения сияли два осветительных шара, зачем-то заключенные в сосуды, и судя по тому, как дробился и переливался свет, сосуды эти оказались из хрусталя. Рядом с потемневшим деревом, какими-то бочками и сундуками, прикрепленными к полу, мешками, сваленными вдоль стен, в помещении едва ли в полтора ярда высотой этот хрусталь, сияющий холодным магическим светом, казался особенно неуместен.

Между осветительными шарами виднелась дверь, к которой стояла очередь из полудюжины согбенных мужчин, почему-то сплошь босых. Из двери вынырнул один, держа перед собой несколько медных цилиндров, исчез там, откуда мы пришли, после него за дверь юркнул еще один.

– Устраивайся вот здесь, сокровище мое. – Блад подпихнул меня к груде мешков. – Там шерсть, тебе будет удобно. Можешь даже вздремнуть, если получится.

Остальные грянули хохотом, я вздрогнула.

– Под пушки отлично спится, – произнес кто-то с сильным беркивским акцентом, и я прикусила губу.

В мамином выговоре нет-нет да проскальзывали такие же грассирующие нотки, и, хотя грубый голос моряка вовсе на нее не походил, я вдруг особенно ясно ощутила, что маму больше не увижу.

Нет, нельзя плакать! Я шмыгнула носом и опустила на мешок. В самом деле тут мягко, и сидеть было бы удобно, кабы не узкая ткань, сковывающая движения.

Пока я возилась, устраиваясь, Блад оглядел собравшихся. Странно, даже сейчас, согнувшись, он выглядел сильным и гордым.

– Если кто девчонку хоть пальцем тронет, останется без руки и без компенсации за увечье. Всем ясно?

– Да, капитан! – рявкнула дюжина глоток, и я подпрыгнула, едва не прошибив головой низкий потолок.

– Куда ты меня привел и зачем? – спросила я, видя, что Блад собирается уходить.

– В самое безопасное место корабля, – ответил он.

Снова раздалась смешки, и он добавил:

– Если, конечно, ты не решишь побаловаться здесь огненной магией или пустить молнию.

«Опять издеваешься?» – хотела я спросить, но вовремя прикусила язык – пожалуй, при его подчиненных стоило быть повежливее. То, что Блад простит один на один, он едва ли спустит на людях. Поэтому я лишь сказала:

– Я не способна к стихийной магии.

– Не уверен, – протянул он.

Я – женщина, или он и в этом не уверен? В который раз я прикусила язык, не стоило обсуждать подобные вещи сейчас.

– Крюйт-камера – самое защищенное место корабля. – Блад стал серьезным. – Сюда не прилетит случайный снаряд, поэтому здесь для тебя безопасней всего, когда наверху идет бой. Сиди тихо, не путайся под ногами, и, когда все закончится, я заберу тебя отсюда. Поняла?

– Да, капитан, – улыбнулась я. – А что такое крюйт-камера?

– Вернусь – расскажу, – пообещал он. – Надеюсь, ты не успеешь по мне заскучать.

Я фыркнула. Вот еще, скучать по нему! Проводив его взглядом, я поудобнее устроилась на мешках, наблюдая, как мужчины целеустремленно, точно муравьи, ныряют в дверь и выходят оттуда нагруженными. Любопытство грызло разум. Спросить? Я напомнила себе о печальной участи кошки из поговорки, снова поерзала и решила, что лучше лишний раз о себе не напоминать.

Ну и ладно, сама догадаюсь. Самое защищенное место корабля, где нельзя зажигать огонь и даже осветительные шары спрятали в хрусталь, чтобы, не ровен час, не проскочила искра. Место, откуда матросы забирают что-то перед боем, скинув туфли, которые стучат подковками по палубе над головой.

– Там... порох? – ахнула я.

Получилось чуть громче, чем нужно, потому что матросы снова расхохотались.

– Он самый, – ухмыльнулся щуплый парнишка. Совсем юный, кажется, даже на пару лет моложе меня. – Так что, если сюда все-таки достанет ядро, отправишься на небеса в один миг.

Внутри свернулся ледяной ком. Порох! Да уж, нашел капитан самое безопасное место! Он точно надо мной издевается!

– С другой стороны, лучше уж так, чем на рее или под килем, – флегматично заметил безухий мужчина средних лет.

Вот спасибо, утешил!

– Я бы предпочла брентную землю, с вашего позволения, – хмыкнула я. – На небеса еще никто не опаздывал.

– Как знать, капитана нашего, поди, там уже днем с фонарями ищут, – рассмеялся парнишка, следом расхохотались и остальные.

– Только не на небесах, на праведника он вовсе не похож, хоть и из благородных, – гоготнул только что подошедший моряк. Подмигнул мне единственным глазом. – Правда, красotka?

– Откуда мне знать, я же не его исповедник!

Я вздрогнула от дружного гогота и запоздало поняла, на что намекал одноглазый. Да сколько же раз можно обмирать от стыда за один день? Ругнулась, вызвав еще один взрыв хохота.

– Где ты слов-то таких набралась? – спросил одноглазый, когда хохот утих.

Где-где... В псарне. На конюшне. Там, куда я совсем малявкой хвостиком таскалась за старшим братом. Какое-то время батюшка не обращал внимания на занятия, вовсе не подobaющие девочке, наверное, считая, что я еще слишком мала. Ровно до тех пор, пока я не спросила значения кое-каких услышанных от слуг слов. Ох, и влетело же мне тогда! Брата тоже выпороли, да и матушке достался выговор – почему позволила мне шататься по двору, вместо того чтобы занять рукоделием или молитвой?

На глаза снова навернулись слезы. Я попыталась подтянуть колени к груди, опустив на них лоб, но одеяние помешало. Закрыла лицо руками. Домой хочу! Батюшка, конечно, страшен в гневе, но не страшнее этих людей. Ничего, Джек меня выкупит. И женится, ведь если он заплатит за мое освобождение, получит возможность не сразу вернуть меня родителям. А после свадьбы отец уже не сможет возражать. Все будет хорошо, нужно только набраться терпения – правда, его-то мне никогда и не хватало.

Мало-помалу помещение опустело. Из крьюит-камеры вышел мужчина – пожалуй, он был даже ниже меня и из-за небольшого роста казался квадратным. Закрыл дверь, устроился рядом с ней прямо на полу, прислонился к стене и закрыл глаза. Лицо его выражало полное умиротворение, не хватало только трубки, но какая трубка рядом с порохом?

Я попыталась последовать примеру этого моряка, не обращая внимания на отрывистые команды сверху. Но тут загрохотали пушки – несмотря на все отделяющие от них переборки, я подпрыгнула. Сразу за пушечным залпом послышался еще один. Он прозвучал тише, чем первый, но корабль вздрогнул, словно живое существо, и казалось, что он, а не люди разразился криками ярости и боли. Еще серия выстрелов и еще. Хотелось зажмуриться, закрыть уши, но что толку, если грохот пушек я ощущала будто бы всем телом.

И хуже всего была неизвестность. Может быть, Блад в самом деле хотел меня защитить, но я предпочла бы видеть и сознавать опасность, чем сидеть, скрючившись, в низком помеще-

нии без окон и вглядываться в лицо незнакомого мужчины, пытаюсь хотя бы по нему понять, что происходит.

Безмятежность исчезла с лица моряка, он начал поглядывать вверх, словно видел сквозь переборки. Я в который раз поежилась, хотя здесь было скорее жарко. Обхватила руками плечи. Каноада не прекращалась, и мне казалось, что корабль давно должен был превратиться в решето и пойти ко дну. Может быть, мы уже тонем, просто вода еще не добралась сюда? Хотя, наверное, моряк, по-прежнему карауливший крюйт-камеру, понял бы и начал спасаться? Или «лучше так, чем на рее или под килем»? Но мне-то повешение не грозит и я хочу жить!

Глава 5

Застучали шаги по лестнице, моряк подобрался. В помещение влетел парень, что говорил про мгновенное путешествие на небеса. Рукав его синего камзола потемнел от крови. Мужчина, что караулил крюйт-камеру, распахнул дверь, не дожидаясь, пока тот приблизится.

– Стой там, сам вынесу.

Я только сейчас обратила внимание, что на его ногах были не туфли и не сапоги, а сшитые из холстины башмаки.

Мне очень хотелось спросить, как там, наверху, но чутье подсказало – лучше не лезть под руку с неуместным любопытством.

Парень подхватил охапку металлических цилиндров, поморщился, похоже, раненая рука ему мешала. По лестнице снова застучали шаги, заглушаемые грохотом взрывов. Моряк, не дожидаясь гостей, нырнул в помещение, передал очередную порцию пороха, потом еще и еще.

Суета и беготня продолжались несколько минут, и мы снова остались вдвоем, только лицо моряка сделалось суровым.

Не знаю, сколько продолжалась канонада, но наконец корабль перестал вздрагивать от ударов. Правда, тише не стало. Пистолеты грохотали не так, как пушки, но люди ревели, кажется, даже громче орудий.

Я заставила себя выпрямить спину – видеть мой страх было некому, и все-таки нельзя ему поддаваться. Вслушиваясь в бой наверху до боли в голове, я не знала толком, кому желать победы. Что сделают со мной офицеры флота ее величества? Поверят, что я леди? Сочтут пиратской девкой? Или я теперь в самом деле пиратская девка? Истинная леди на моем месте предпочла бы умереть, но не позволить... на миг я забыла даже о бое. Если бы от стыда в самом деле можно было сгореть, сейчас бы здесь уже полыхнули переборки и крюйт-камера взлетела бы на воздух.

– Кажись, все, – сказал моряк, про которого я, увлекшись самобичеванием, почти забыла.

– И кто победил? – спросила я, не зная, радоваться ли победе.

– Наши, само собой, – ответил матрос, снова уселся и закрыл глаза, кажется, даже засопел.

Я заерзала, поглядывая то в потолок, то в сторону выхода. Капитан сказал «сиди и жди», но сидеть и ждать было невыносимо. Сверху доносились голоса, правда, слов разобрать толком не получалось. Я покрутилась так и этак, в очередной раз прокляла полотно, в которое меня замотал Блад. Повторила все то же самое на беркивском, попыталась на граянском и поняла, что мне явно не хватает словарного запаса. Матушка, обучая меня языкам, как-то упустила ругательства, а жаль.

Перебрав все особенности своего одеяния, я помянула недобрым словом замотавшего меня в это Блада, даром что при мысли о нем снова запылали щеки.

– Почему так долго? – пробурчала я себе под нос.

– Не терпится снова к капитану в койку прыгнуть? – хохотнул матрос.

– Вовсе я не... – Я осеклась.

Все равно не поверит, только посмеется. И ведь даже винить в своем позоре некого, сама постаралась. Хотя многое бы изменилось, если бы меня не привели на корабль под руку, а приволокли на плече?

– Ишь, шустрая какая. Погоди, сейчас там после боя остынут немного, разберутся, кто на каком свете, то да се, а когда придет пора крюйт-камеру магией заблокировать, капитан и придет.

– Не придет, – донеслось от входа.

Я обернулась. Меченый, которому Блад подкорнал ухо, стоял у входа, а за его плечами согнулись еще двое головорезов.

– Как не придет? – охнул моряк.

– Так и не придет, – ухмыльнулся меченый. – Кончилась везуха.

Я застыла, забыв, как дышать. Не может быть! Он, конечно, не джентльмен и обошелся со мной ужасно, но почему мне так не хочется верить в его смерть?

– Так что сдавай пост, – продолжал пират. – Ежели магии теперь нет, мои парни покараулят.

Моряк поднялся – оказывается, он мог стоять здесь, не пригибая головы.

– Пост я сдам квартирмейстеру.

– Квартирмейстеру скоро будет не до того, – прошипел меченый, кладя руку на эфес тесака, висевшего у него на бедре. – Сдал пост, я сказал!

Караульный поколебался, но, когда двое, что стояли за плечами меченого, двинулись вперед, развел руками.

– Ну ежели ты так говоришь...

Он исчез за дверью. Я вжалась в мешки, затаила дыхание, стараясь стать как можно незаметней. Блад не придет, и... И мне конец.

Подтверждая мои худшие опасения, меченый развернулся ко мне.

– Кто это тут у нас? – притворно-слащавым голосом произнес он.

Я попыталась отгородиться мешком, но лишь вызвала взрыв хохота.

– Жаль, что Блад успел тебя попробовать, – ухмыльнулся корноухий. – Ну ничего, мы не гордые, можем и за ним подобрать, правда, парни?

Парни с готовностью загоготали.

– Не подходи, – взвизгнула я. – Капитан сказал...

– Ты что, не поняла, шлюшка? Кончился капитан.

– Не подходи! – повторила я. – Если хочешь жить – не подходи!

Второй раз одну и ту же ошибку я не совершу. А там, глядишь, мне просто свернут шею, разлившись. Хотя истомившихся без женского общества головорезов едва ли остановит такая мелочь, как моя смерть.

Он снова расхохотался.

– И что ты мне сделаешь, милашка?

Он бухнулся рядом на колени, притягивая меня к себе, лапища больно сжала грудь. Я втянула воздух сквозь зубы, обхватила ладонями его шею, содрогаясь от омерзения.

– Вот, так бы сразу... – начал он.

Конечно, куда лучше было бы, если бы я положила ладонь на проекцию сердца. Но и так неплохо. Сонные клубочки в артериях, при раздражении которых замедляется ток крови в жилах, а если повезет, останавливается сердце. Впрочем, везение ни при чем, достаточно послать направленный импульс по нервам – хотела бы я знать, каковы они из себя, эти «нервы» и почему «импульс».

Меченый выгнулся и рухнул рядом со мной. Я отпихнула его, дернулась в сторону. Закружилась голова.

– Что ты с ним сделала? – закричал тот, что подбирался справа.

– Убила, – выдохнула я. – Я в самом деле его убила.

Дурнота подкатила к горлу, перед глазами все потемнело. Нет, в обморок падать нельзя, чай, не на балу, где рядом всегда найдутся сильные руки кавалера. Эти в корсаж не за нюхательными солями полезут. Или, наоборот, упасть в обморок и ничего не чувствовать?

– Что ты сделала? – взревел пират, выхватил тесак.

Я сжалась, ожидая удара, – а здоровяк вдруг завалился набок, захрипел. Я зажмурилась, завизжала так, что у самой уши заложило.

– Заткнись! – потребовал знакомый голос.

Даже странно, что я расслышала его сквозь собственный визг. Я распахнула глаза и заткнулась – не потому, что пришла в себя, а просто воздух вдруг разом перестал проходить в грудь.

Блад. Белый, как полотно его рубахи... Впрочем, нет, рубаха сейчас была алой.

– Он сказал, тебя убили, – пролепетала я.

– Слухи о моей смерти пока преувеличены, – ухмыльнулся он... и рухнул на колени.

Я ойкнула, совершенно перестав что-либо понимать.

Блад закашлялся, и я только теперь услышала, как он дышит – тяжело, хрипло, и при каждом вдохе что-то клокотало в груди.

Сама не знаю, как я оказалась рядом. Помогла опуститься на пол. Рванула застежку его жилета так, что пуговицы зазвенели по полу. Сколько же крови! Как он до сих пор на ногах держался и куда смотрел его лекарь? И его помощник?

– Какая страсть, – снова ухмыльнулся Блад. – Боюсь только, сейчас я не в силах оценить ее по достоинству.

– Замолчи! – рявкнула я, сама себе удивляясь. – Как ты вообще сюда дошел?

В холодном свете осветительных шаров губы его казались синими.

– Всем существом стремился к тебе, сокровище мое. – Капитан снова закашлялся, на губах появилась кровь.

– Убью! – прошипела я. – Своими руками задущу! Нашел время шутки шутить!

– Когда еще смеяться, как не предвкушая встречу с высшим судьей, тем более что он – тот еще шутник. – Его рука поднялась, потянувшись к моей щеке, и упала. – Но на последний дар меня еще хватит.

Последний дар? О чем он?

– Чтобы тебе греха на душу не брать.

Ах, вот о чем он! Нет уж, я жить хочу.

– Обойдусь, – буркнула я, разрывая на нем рубашку, почему-то совершенно пропал страх, голова работала быстро и четко.

Блад, конечно, не джентльмен и обошелся со мной неблагородно. Но, если подумать, я пыталась его зарезать и была всерьез, просто он оказался быстрее и ловчее. В наказание он мог бы просто убить меня на месте или отдать своим людям. И, как ни крути, он – моя единственная защита от таких, как покойный ныне меченый. С одним я смогла справиться, но с пятью дюжинами – или сколько их там осталось после боя – нет. Так что встречу капитана с высшим судьей придется отложить... если, конечно, я смогу сделать все правильно.

Отец гордился, что все четверо его детей росли здоровыми и крепкими и дожили до совершеннолетия. «В нашем роду сильная кровь», – любил повторять он. Только дело было не в крови. А еще он не понимал, почему матушка сама навещает заболевших слуг и регулярно объезжает наши земли, взяв меня с собой. Но леди полагается проявлять кротость и милосердие к низшим сословиям, так что он лишь недоумевал, но не запрещал.

Есть вещи, о которых мужчинам нельзя говорить. Вроде лунных дней или магии, что дарована женщинам. Или знаний, без которых бессильна любая магия.

– Не бойся. – Блад снова закашлялся. – Больно будет недолго, и лучше так, чем...

– Да перестань ты болтать и не мешай думать! Подождет твой судия, от него еще никто не уходил!

Вот она, рана между ребер, широченная, с мою ладонь. Это чем же его так ткнули? Кровь пузырится по краям, когда воздух с шумом вырывается из груди. Судя по расположению – сердце не задето, впрочем, иначе он бы сюда не дошел.

Заживлять раны мне приходилось, правда, не такие. Я накрыла ее ладонью, словно пытаюсь удержать воздух в груди Блада.

– Это не поможет, – слабо улыбнулся он.

– Типун тебе на язык! – повторила я любимое выражение нашей кухарки. – А еще говорят, женщины болтливы!

Так, значит, легкие, сотканые из мельчайших пузырьков, дальше – пленка, обволакивающая их, еще одна, выстилающая грудь изнутри, межреберные мышцы, подкожный слой и кожа. Вроде все правильно. И все это состоит из невидимых глазу частиц. Одни частицы очищают рану от разрушенных или состарившихся тканей, другие выращивают новые ткани, восстанавливая тело.

Блад озадаченно нахмурился. Самой мне не доводилось почувствовать, как заживляются раны, но, говорят, ощущения странные, словно мясо шевелится.

– Капитан! – раздалось сверху.

– отошли их, – быстро проговорила я.

Отвлекут – все насмарку.

– Сейчас буду, – повысил он голос. – Брысь отсюда, мне тут подсвечники не нужны.

Возня, выстрел. Блад встревоженно приподнялся на локте, я пихнула его обратно.

– Капитан, не морочьте мне голову...

Лицо Блада просветлело.

– Джеймс, марш на верхнюю палубу и займись делом! – Голос, капитана, став сильным и звучным, разнесся по тесному помещению.

Получается! У меня получается! Еще чуть-чуть...

Я отстранилась, сжала пальцами виски, пытаюсь унять головокружение. Перед глазами снова заплясали темные мушки. Перестаралась. Мама говорила, что с опытом приходит умение не расходовать силу зря, но опыта у меня почти не было.

Блад медленно сел, провел ладонью по груди, стирая кровь, еще и еще раз, ощупал себя, точно не в силах поверить.

– Как?..

Я пожала плечами. Огляделась. Кровь на моих руках, на шелке, в который я одета, металлический запах, пропитавший все вокруг. Труп с ножом в спине, еще один – с перерубленной шеей, кровь заливает пол, пропитывает одежду меченого, на котором не осталось ни царапины.

В ушах зазвенело, и я все-таки свалилась в обморок.

Глава 6

Мир тихонько качался, плескали волны, и не мешали даже голоса, доносившиеся словно сквозь вату. Слов я не разбирала или не хотела разбирать, только интонации – изумленные, растерянные. Меня не интересовало, о чем говорят и что происходит. Ничего не интересовало, кроме сильных и надежных рук, что обнимали меня, унося прочь от пиратов, от крови и смерти. Прочь от всех ужасов, что я успела увидеть. Я улыбнулась, не открывая глаз, прижалась к плечу, от которого пахло порохом и кровью.

– Джек...

Какой чудесный сон, можно я не буду просыпаться всю оставшуюся жизнь? Ну хотя бы пару мгновений?

Не тут-то было. Руки, что меня несли, стали жесткими, и ехидный баритон прогнал блаженную расслабленность:

– Не угадала, сокровище мое. Попробуй еще раз.

Я вскинулась, потеряла равновесие, но Блад меня удержал.

– Тихо, а то уроню, – рыкнул он.

Наверное, надо было сказать спасибо, что меня тащат на руках, а не через плечо, но слишком уж много злости было в его голосе. Словно он мне одолжение делал и это его раздражало. А я не просила, между прочим!

– Поставь меня!

– И не подумаю.

Я огляделась и разом расхотела протестовать. Разбитые доски, перевернутая пушка, щепы и кровь под ногами. Как бы я пробиралась по всему этому в своем неудобном одеянии из куска ткани?

Незнакомое лицо со шрамом на виске. Взгляд, устремленный на капитана, полон изумленного благоговения.

– Правду говорят, что он бессмертный, – донеслось до меня.

Блад, кажется, тоже это услышал, усмехнулся, но ничего не сказал. Пинком отворил дверь, занес меня в каюту. Усадил на что-то жесткое.

– Можешь лечь, если хочешь. – Он закрыл дверь. – Или отнести тебя на постель? Правда, ее потом придется выбросить, а тебе – спать на голых досках.

Я зажмурилась, трянула головой. Дурнота отступала. Слабость тоже проходила, оставляя разве что легкую сонливость, но это вскоре пройдет. Я сидела на здоровенном сундуке, таком здоровенном, что и лечь бы на него смогла.

– Нет, все хорошо, спасибо.

Только переодеться бы... и помыться, чужая кровь стягивала кожу. Я подняла взгляд на Блада – тоже весь в крови, разорванная рубаха болтается ошметками, жилет расстегнут. Значит, совсем немного времени прошло.

– Как ты себя чувствуешь? – вырвалось у меня.

Все-таки с настолько серьезными ранами мне сталкиваться еще не доводилось. Самое страшное, что приходилось заживлять, – глубокий порез от серпа. Повезло той женщине, что артерию не задело и что мимо проезжали мы с матушкой.

И Блад по-прежнему оставался единственным, кто может меня защитить, так что моя забота о его состоянии была вполне разумной. И дело вовсе не в его объятых и...

– Живым. – Он снова провел рукой по боку. – И очень, очень озадаченным. Что это было? Я захлопала ресницами.

– Прошу прощения?

Так я ему и рассказала! В лучшем случае сочтет ведьмой. В худшем – поймет, что я могу обойтись с ним как с меченым, и перережет глотку: только круглый дурак оставит опасность так близко к себе, а дураки не становятся удачливыми капитанами.

Он вытащил из шкафа медную миску и ветошь. Плеснула вода. Присел напротив, устроив миску на сундуке рядом со мной.

– Ты спасла мне жизнь, и я очень благодарен за это. – Влажная ветошь коснулась моего лица, смывая кровь. – Но как ты это сделала?

– Я не ранена, спасибо. – Я забрала у него ткань. Ох ты, ведь если я бухнулась прямо в лужу, наверняка и волосы все испачкала, как же я буду их отмывать? Да и вообще... – Зеркало у тебя есть?

Он прищурился.

– Зеркало есть, но ты уходишь от ответа.

– Но мне нечего ответить! – Я изобразила на лице самое глупое выражение, на которое только была способна. – Я вообще не понимаю, о чем ты.

– Сокровище мое, – промурлыкал Блад вроде бы игриво, но в голосе прозвучала явная угроза. – Мне, конечно, очень не нравится, когда в столь... трогательный момент меня называют именем другого мужчины...

Я залилась краской.

– И вовсе не трогательный!

– Ну как же? Юная дева, приходит в себя в моих объятьях, ресницы трепещут, румянец смущения, улыбка – о, какая улыбка!

– Да замолчи ты! – Я прижала ладони к щекам.

– А оказывается, что все это предназначалось не мне. Можно ли передать словами всю меру моего разочарования?

– Я люблю Джека, как и он меня.

Я думала, что эти слова прозвучат со спокойным достоинством, а получилось жалко. Словно я оправдывалась в том, что думала о другом мужчине.

– С тобой-то все ясно, а вот насчет него не уверен.

Да как он смеет!

– Как ты дожил до своих лет с таким языком?

– Это потребовало некоторых усилий, сокровище мое, – ухмыльнулся он. – И именно потому, что я успел немного пожить и кое-что повидать, куда сильнее, чем когда меня называют чужим именем в минуты страсти...

– Не было никакой страсти!

– ...я не люблю, когда меня держат за глупца.

– Не понимаю, о чем ты.

Вот теперь изобразить спокойное достоинство получилось. Почти.

– О том, что у меня в груди была здоровая дыра, проделанная ледяным клинком. О том, что жить мне оставалось хорошо если полчаса и Фрэнк пытался этим воспользоваться, чтобы поднять бунт на корабле, поэтому я помчался в крыйт-камеру, чтобы заблокировать ее или, если совсем сил не хватит, разнести все к ядерным демонам, но свалился, чуть-чуть не добравшись.

– Ты хотел взорвать порох? – ахнула я.

Он пожал плечами.

– Если бы Джеймсу с ребятами не удалось справиться со сторонниками Фрэнка – мне бы не оставалось ничего другого. Как ты сама заметила, конец рано или поздно наступит, и я предпочитаю, чтобы он не порадовал моих врагов. Значит, нужно уходить на своих условиях. – Он снова присел напротив, вынул из моих ослабевших пальцев ветошь и, прополоскав ее, опять

стал стирать кровь с моего лица. – Ты ведь думаешь так же, насколько я успел заметить. Иначе, не сумев меня убить, бросилась бы не к окну, а рухнула на колени умолять о пощаде.

Его слова настолько не вязались с осторожными, почти ласковыми прикосновениями, что на миг мне показалось, будто я брежу.

– Но ты же был на корабле не один!

– Обидно, что я бы оборвал и твою жизнь, да? В самом деле, как я мог не подумать о том, что тебе могло бы понравиться общество Фрэнка и ему подобных.

Я снова отобрала у Блада ветошь, едва справившись с желанием запустить в него мокрой тряпкой.

– Кстати, а с ним-то что стало? – не унимался капитан.

– С ним? – Я опять захлопала ресницами, усиленно соображая. – Не знаю. Он просто упал. Наверное, так обрадовался моему обществу, что сердце не выдержало.

– «Я его убила, – медленно произнес Блад. – Я в самом деле его убила».

– Чего только не совершь, чтобы оттянуть финал, – неловко улыбнулась я. – Как ты тоже наверняка успел заметить, я молода и очень хочу жить. И не привыкла... радоваться мужскому обществу. – А вот жар, заливший щеки, был вовсе не наигранным.

– Так, значит. – Капитан поднялся, нависая надо мной.

Я поежилась, изо всех сил стараясь удержать на лице выражение прелесть какой дурочки. Обычно мужчинам оно нравилось. Да и кому не понравится чувствовать себя сильным и умным?

Бладу, разве что.

– Значит, Фрэнк умер потому, что сердце его не выдержало предвкушения, – размеренно проговорил он. – Мир праху его, бедолаги. А моя рана, которая в горячке боя показалась мне смертельной, на самом деле не более чем царапина. – Он отодвинул полы одежды, снова разглядывая бок. – И в самом деле царапина. Задыхался и ослабел я от страха...

Ослабел ли он – не знаю, а я точно оцепенела от страха, хотя капитан даже голоса не повысил, продолжая улыбаться.

– От усталости, – пискнула я. – Бой – это ведь трудно. Все это оружие, которым надо размахивать. Уворачиваться, бегать...

– Даже не знаю, что лучше, оказаться трусом или слабаком.

– Но ты ни то, ни другое!

– С твоих слов выходит именно так. Либо я трус, либо слабак... – Он выдержал паузу и вдруг рявкнул: – Либо последний дурак, неспособный понять, когда мне лапшу на уши вешают!

Я вскрикнула и начала заваливаться набок, закатив глаза. В следующий миг на голову мне обрушился поток воды, заставив подпрыгнуть и завизжать.

– Холодная вода – лучшее средство от обморока, – расхохотался Блад. – Особенно если обморок – притворный.

– Ах, ты...

– Шипишь, как мокрая кошка. Ты пыталась убить меня так же, как убила Фрэнка, но со мной не вышло, и потому ты схватилась за нож?

– Я не пыталась тебя убить!

– Да? А это что?

Он снова отдернул полы одежды, скосил глаза – и застыл с открытым ртом. От раны после моего нелепого покушения не осталось и следа. Нет, я не затягивала ее специально, просто раз уж тело стало восстанавливаться под действием магии, закрылась и она.

Я не удержалась от улыбки – настолько недоуменное лицо было у Блада. И зря. Он шагнул ко мне так стремительно, что я шарахнулась, едва не свалившись с сундука. Меня накрыл поток горячего воздуха – горячего, но не обжигающего, – притиснул к стене так, что я даже пошевелиться не могла. Дышать тоже не получалось, как будто весь воздух протекал мимо

меня, сколько я ни пыталась хватать его ртом. В глазах начало темнеть, в груди жгло. Но когда я совсем было решила, что мне конец, в комнате снова наступила тишина, и я едва не свалилась. Прическа рассыпалась – чудо, что она вообще продержалась так долго, – волосы упали мне на плечи. Блад, приблизившись, медленно пропустил между пальцами прядь, и на его лице снова появилось очень странное выражение – как и когда он вытирал слезы с моих щек. Но прежде, чем я успела смутиться, он сунул мне в руки ленту.

– Завяжи.

Я замешкалась, в очередной раз перестав что-либо понимать.

– Завяжи, – повторил он, и от его голоса мое сердце ухнуло в пятки да там и осталось.

Дрожащими пальцами я заплела косу, перехватив ее лентой.

– Пойдем, – велел он, взяв меня за руку.

– Куда я пойду в таком виде? – попыталась я возражать. Все мое одеяние до сих пор составлял заскорузлый от высохшей крови отрез дорогой ткани, намотанный поверх сорочки, да чулки с туфлями.

– Куда я велю, туда и пойдешь, – отрезал он. – И не надейся, что тебя и дальше будут носить на руках.

Спрашивать, что будет, если я откажусь, у меня язык не повернулся. Слишком уж холоден был взгляд капитана. Он, кстати, тоже не переоделся, пошел, как был. Потянул меня за руку, я засемила следом, снова путаясь в полах своего нелепого наряда. Говорят, далеко в восточных землях женщины носят одеяния из намотанной ткани, но как же они ходят-то, бедняжки? Или есть какая-то хитрость, о которой не знает Блад, заматавший меня в этот кокон?

Я была готова думать о чем угодно, о любой ерунде, только бы не гадать, куда он меня ведет и зачем. Похоже, моя неуместная улыбка переполнила чашу его терпения, и теперь меня ждет наказание – только какое? Затряслись руки, и ноги едва держали. Что он задумал? Что со мной будет? Ведь совсем недавно он благодарил меня за спасенную жизнь. Может, стоило все рассказать? Но не зря же мама много раз предостерегала меня. Люди боятся всего непонятного, а мужчины не выносят, когда женщина может что-то им недоступное. Сколько таких, как мы с мамой, погибло на кострах? Начиная со святой Эды, в которую верит простонародье Беркива? На корабле костер не развести, зато спихнуть меня за борт – дело пары секунд.

А самое обидное – мне снова было некого винить, кроме самой себя.

Задумавшись обо всем этом, я совершенно не понимала, куда мы идем, кроме того, что вниз. Пару раз я едва не слетела с лестницы, но жесткая рука Блада не давала мне упасть.

Потом я услышала стоны. Крик – не те крики ярости, что доносились сверху во время боя, а крики отчаяния и боли. Мы миновали очередную переборку, Блад толкнул дверь и впихнул меня внутрь.

Кажется, эта каморка, залитая холодным сиянием осветительных шаров, была вотчиной хирурга.

Глава 7

Самого властителя этого места я увидела не сразу. Сперва в глаза бросился высокий стол. Сейчас, пожалуй, невозможно было угадать, из какого дерева он был сделан когда-то – темный, покрытый где-то въевшимися бурыми, а где-то свежими алыми разводами.

Лицо мужчины, лежавшего на столе, перекошилось от боли, рубаха задралась, обнажая половину живота, а штанов не было вовсе. По счастью, нижнюю половину тела заслонял склонившийся человек. Наверняка он-то и был корабельным хирургом.

Лекарь отступил от стола, разворачиваясь к нам, я торопливо зажмурилась. Мало мне было Блада без рубахи, теперь еще незнакомый мужчина без штанов!

– Капитан? Так вы все же ранены? – услышала я. – Простите, я...

– Царапина, – небрежно произнес Блад. – Не стоит вашего беспокойства.

Хирург помолчал.

– В таком случае... Если девушка пришла сюда своими ногами, ей придется подождать, пока я не закончу с ранеными.

– Это не моя кровь, – пискнула я, осмелившись открыть глаза.

Зажмурившись, далеко не убежишь. Впрочем, куда мне бежать с корабля? Прямоком на дно морское? Да и капитан по-прежнему держал меня за руку.

Я оглядела помещение. Довольно просторное, без окон, как и, похоже, все каюты на нижних палубах. Невысокий потолок – едва ли на ладонь над макушкой Блада. И двигаться ему пришлось бы очень осторожно, чтобы не влететь головой в осветительные шары, подставки для которых торчали из стен. Еще один осветительный шар – заключенный в хрустальный сосуд, как и те, что у крюйт-камеры, – свисал с потолка. Это, конечно, дешевле, чем свечи, если не платить магу, который их поддерживает; и место в трюме не занимает. Но неужели капитану не лень заниматься этим самому? Или он все же не единственный маг на корабле?

– В таком случае зачем вы привели сюда женщину, капитан? – Хирург нахмурился.

– Занимайтесь своим делом, господин Дезо.

Казалось, от холода в голосе Блада на потолке вырастут сосульки. Я поежилась. Господин, не лорд и не сэр. Хотя чего я ожидала? У мужчин есть лишь стихии, они не смогут исцелять магией. Даже если бы кто-то из лордов решил выучиться на лекаря, здесь ему не место. Гильдия хирургов – подразделение гильдии цирюльников, а бакалавры медицины не снисходят до пролития крови...

В ответ на отповедь капитана, которая приморозила меня к полу, корабельный хирург лишь пожал плечами и снова склонился над раненым. Тот застонал сквозь зубы.

У меня пересохло во рту. Закружилась голова. Капитан склонился к моему уху. Прошептал:

– Вздумаешь упасть в обморок, снова оболую, и все, кто окажется в этой комнате, смогут невозбранно любоваться твоими прелестями, облепленными мокрым шелком.

– Когда людям больно, им плевать на любые прелести! – так же едва слышно прошипела я. – А мне больно на это смотреть и потому тоже плевать. Зачем ты меня сюда притащил?

– За ответами.

Сказать что-то я не успела. Хирург выпрямился.

– Свободен. Давай следующего.

Раненый зыркнул на меня, прикрылся комом ткани, наверное, когда-то бывшим одеждой, и похромал к двери. Но мне было не до его голого зада. Совершенно оторопев, я смотрела, как лекарь обтер ветошью иглу, вдел в нее нить – и воткнул в незажженную сальную свечу, лежащую на столике рядом.

Матушка учила меня, что, если уж приходится работать не магией, а ножом и иглой – хотя мне самой ни разу не доводилось этого делать, – все инструменты нужно тщательно вымыть и прокипятить. Руки, прежде чем браться за работу, промыть мылом и щеткой, а потом ополоснуть щелоком, хотя, если заживлять рану планируется магией, можно немного отступить от строгих правил. Но у этого-то явно магии не было!

Может быть, среди хирургов-мужчин заведено по-другому? Но как тогда они справляются с воспалением, неизбежным после того, как в рану попадет зараза? Надеются, что тело одолеет заразу само?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.